

ЕСТЬ ЛИ ПИЛОТ В КАБИНЕ?¹

П. САЛАТИ, М.Д. НОРАМБУЭНА

В статье представлен опыт работы женевского центра «Ракар», разрабатывающего подход психосоциальной анимации. Центр осуществляет многолетнюю психо-социальную работу с пациентами с тяжелыми нарушениями личности. В тексте на примере конкретных ситуаций представлен рефлексивный анализ элементов психотерапевтического подхода.

Ключевые слова: психосоциальная анимация, институция, институциональная психотерапия, субъективность

Быть на высоте события —
Вот главное
Жиль Делез,
Феликс Гваттари

[...] Что представляет собой психосоциальная анимация как дело, как имманентное присутствие, как особая установка учреждения на «гостеприимство», или принятие, в работе специалистов? В течение этого года у нас появилось много примеров того, насколько трудно дистанцироваться, отделиться от попыток наших постояльцев нас «околдовать», от паралича или, наоборот, от логореи у людей, которые находятся под воздействием некоторых веществ или в маниакальном состоянии. Кроме того, логорея может также сопровождаться насилием, вызванным параноидными проекциями.

Мы попытаемся провести необходимые в этих ситуациях различия и показать, каковы могут быть терапевтические установки и подходящие поводы для продвижения вперед терапевтической работы, потому что каждое из этих событий может внести свой вклад в восстановление субъективного состояния постояльца. В каждом случае речь идет не о том, чтобы терпеть насилие, но скорее о том, чтобы дать этому место

¹ De l'animation psychosociale a la clinique du quotidien. Le centre Racard, critique et clinique. Paris, 2010.

в процессе работы с клиентом в учреждении. Речь идет именно о подходе к работе, который должен брать на себя это насилие, а не о специалистах как людях. По сути, в этом и заключается все искусство нашего подхода! Вот разрыв между тем, что говорится, и тем, что делается, между дискурсом и делом.

В нашем экзософском подходе к сопровождению пациентов в нашем центре есть много моментов, когда не происходит ничего, слишком мало событий, которые заставляли бы нас шевелиться быстрее. Но вдруг.. все переворачивается! Все идет под откос, все катится в бездну. Кто-то покалечил себя, избил себя, проявил агрессию по отношению к себе, другому постояльцу или к нам, или сделал себе опасную инъекцию и находится теперь при смерти в туалете. Все подобные события очень значимы, они очень сильно затрагивают нас эмоционально и заставляют нас погрузиться глубже в самих себя. Они ведут нас туда, в то неожиданное и глубокое место в нас самих, в которое мы, живя нашей обычной жизнью, никогда не попадали. Отсюда происходит необходимость суметь быть — в нашей повседневной практике — «на высоте события» в тот момент, когда оно происходит. И это трудно, потому что, когда событие случается, то, чтобы смочь его принять, дать ему место (правильное место) в работе, а также обеспечить его правильное, уместное течение в рамках учреждения, — необходимо подготовиться, необходимо быть всегда уже готовым.

Когда случается такое событие, необходимо мгновенно переосмыслить себя, снова найти себя, причем институционально. В противном случае мы реагируем, будучи слишком оголенными эмоционально и не имея необходимых концептуализаций (с точки зрения организации), реагируем из состояния неспособности — не человеческой, а институциональной и рефлексивной — придать этому событию уместное и терапевтическое течение в нашей институциональной работе. Течение вещей становится уместным, когда оно располагается вне пространства исключительно личного «подвига», который часто оказывает парализующее действие. На этой границе и располагается та самая работа переосмысления и «переустанавливания» индивидуальности организационного поля, на которой строится вся организационная культура и профессиональная альтернативность нашего подхода. Эта альтернативная профессиональная культура основана на сложной работе постоянного переосмысления своей собственной эмоциональности в бытии-рядом с нашими постояльцами. Эта практика проводится каждый день в нашем субъективном и эмоциональном пространстве и в каждый момент во время работы в рамках подхода психосоциальной анимации.

«Зачарованность» и как ее избежать

Мы сразу хотим подчеркнуть (даже если это прописная истина), что в целом реакции сотрудников очевидно должны отличаться от реакций постояльцев. Не кажется излишним сделать на этом акцент. Ведь в нашей работе сопровождения наших постояльцев и восстановления их субъективности, которую мы совершаем и где основным средством является наша личность, мы не защищены от сильных и неконтролируемых реакций с нашей стороны. И это надо знать! В том пространстве близости и в тех видах деятельности, которыми мы занимаемся, разделяя с ними повседневную жизнь (еда, умывание, одевание, уборка, сон, разговоры...), крайне трудно правильно разграничить наш эмоциональный опыт: не путать место работы — и «дом», домашнее пространство, где мы «у себя» в нашей частной жизни.

Мы можем описать теперь некоторые ситуации, которые возникают в практике и требуют различных установок и способов выражения нашей эмоциональной реакции:

1. Есть ситуации, в которых мы «окутаны» другим, потоком его слов, которые идут во всех направлениях, обилием вопросов, касающихся всего и ничего, а также существенно важных и экзистенциальных. В этих случаях постоялец окликает нас в любой момент и ждет ответа с нашей стороны. Если мы не дадим этого ответа, то он будет настаивать до тех пор, пока мы его не дадим, и тут же пристает с новым. И так без конца. В этой ситуации сложно то, что такой постоялец очень внимателен и чувствителен к нашему вниманию по отношению к нему.

2. У некоторых постояльцев с зависимостями, под действием определенных веществ, мы также находим своего рода логорею. В этом случае, в отличие от предыдущего, человек испытывает потребность говорить, рассказывает ту или иную вещь, но при этом необязательно ждет ответа от другого. Он не задает нам вопросов и не интересуется нашим мнением о том, что он рассказывает. В предельном случае он вообще не замечает, слушаем мы его или нет, и может даже не заметить, что мы вышли из комнаты или вместо нас его слушает другой человек.

3. Возможно и такое, что речь человека сопровождается элементом насилия по отношению к нам или к другому постояльцу. Это приказы, адресованные другому. Здесь речь часто идет о проекциях, которые в разной степени могут задевать другого лично, иметь определенный резонанс в его личном пространстве, особенно в тех случаях, когда человек, в отношении которого высказаны эти слова, не имеет достаточной защиты против таких атак, которые могут иногда содержать крупницы или даже большую часть «истины». Насилие может быть также выраже-

но непрямо, и в этом случае другой может чувствовать себя задетым или нет и в зависимости от этого по-разному реагировать. В других случаях это насилие может быть выражено более «банально» (т.е. в более свободной и менее тонкой форме) по поводу внешних тем, которые не очень сильно затрагивают слушающего, и оно провоцирует другие типы реакций. Надо также подчеркнуть, что есть и просто насилие в том смысле, в котором о нем обычно говорят, которое выражается в критике или обидных словах, ругательствах, и доходит до угроз и ударов. А также есть насилие скуки! Повторяющиеся и банальные пустые речи тоже могут быть своего рода насилием.

Для того чтобы не претерпевать это насилие лично, а принимать его на уровне организационной работы, и тем самым находить для него правильное место в психологическом сопровождении, необходимо реализовать целую серию стратегий.

1. В первом случае, когда человек требует нашего непрерывного внимания, постоянно задавая вопросы, желательно предоставить ему формальное и ограниченное время в кабинете, в течение которого мы будем его слушать; в конце встречи мы даем ему ясно понять, что время закончилось. В этот момент мы действительно должны заняться чем-то другим и не чувствовать вину за то, что мы не проводим больше времени, слушая его (особенно учитывая, что некоторые из них говорят нам «Вам платят за то, что вы нас слушаете»). Бесконечное слушание бесполезно, так как оно не ставит границ человеку, и его тревога, таким образом, все более и более возрастает, не имея возможности остановиться. Бесконечное слушание может также совершенно бесполезно утомить и раздражить нас.

2. Когда человек с зависимостью, находясь под действием героина и в стадии логореи, без конца говорит с нами о том, что нам неинтересно и потому надоедает, — это самая простая ситуация, и она содержит меньше рисков. В этом случае мы можем не слушать его и заниматься своими делами или думать о своем, и время от времени поддакивать кивком головы, словом «да» или какими-то звуками. Мы посылаем ему маленькие сигналы, чтобы показать, что мы здесь и что мы его «слушаем», даже если это необязательно так. В этом случае мы не подвергаем себя жестокости скуки, как если бы мы пытались внимательно слушать постояльца, позволяя ему выразить все.

3. В случае, когда мы имеем дело с проекциями или с вещами, которые нас глубоко затрагивают, необходимо прежде всего осознать и затем принять наши собственные чувства. Если повод затрагивает нас слишком сильно, то лучше не продолжать общение с пациентом в этот

момент, используя собственные способы выйти из ситуации. Когда мы слишком затронуты тем, что говорит постоялец, нужно избегать ситуаций, в которых мы «подставляем» прямо на месте. Это действие имеет вид избегания, но это избегание спасительно. Таким же образом необходимо оставлять возможность и пациенту «уйти», чтобы избежать возникновения какого-то акта насилия или депрессивного эпизода; также мы должны и сами использовать наши средства выйти из ситуации, если обнаруживается такая необходимость. Мы ищем способ разорвать эту встречу с другим, чтобы избежать причинения ущерба: например, мы показываем, что слишком взволнованы тем, что он сказал, или напротив — в случае, когда мы сами оказались (в том или ином смысле) источником агрессивных или обесценивающих установок. Во втором случае важно спросить себя, что так сильно откликнулось в нас. Даже тогда, когда мы испытываем позитивные чувства, необходимо сохранять дистанцию, так как сильная связь, слишком большая близость, присоединение или сопереживание имеют свою обратную сторону. После «большой любви» или «сильного сопереживания» наступает фрустрация и разочарование; у людей с недостатком контроля и способности отстраниться характерологические особенности и реакция на брошенность делают очевидной возрастающую тревогу.

Полезность и бесполезность вопросов личного характера

Теперь мы затронем две темы. Первая касается вопросов личного характера, которые нам задают наши постояльцы. В Ракар, в отличие от других мест терапии, мы не можем избавиться от необходимости давать некоторые ответы в тех случаях, когда постояльцы задают нам вопросы личного характера (правдивы эти ответы или нет — это не так важно), так как мы вместе живем. Наш подход, в котором важна общительность и теплота, делает трудным и нетерапевтичным установку на тотальный отказ от ответов на те вопросы, которые касаются нас, как это происходит в ситуации обычной терапии. Запуская игру повседневного «домашнего» и субъективного общения, которая сложна, мы не можем укрыться за фразами типа «я не говорю о личном» и таким образом поставить стену между нами и постояльцем. Отвечая иногда на вопросы личного характера, мы частично уменьшаем фрустрацию и таким образом увеличиваем близость и снижаем недоверие у некоторых пациентов с паранойяльными тенденциями. И напротив: иногда нужно уметь сказать (в том числе и себе) «стоп» (например, сделав свой ход и задав им свой вопрос, прокомментировав происходящее, или просто сменив те-

му). Даже тогда, когда мы отвечаем на личный вопрос, необходимо всегда сохранять достаточно большую дистанцию и эмоциональную отстраненность. Тем, что мы используем «смещенный» ответ или театральный тон, мы показываем разницу между нашим ответом и ответом приятеля, знакомого или родителя. Необходимо, чтобы этот сдвиг — разрыв между режимом высказываний — проявлялся таким образом, чтобы найти наилучшее место и дистанцию между речью клиента и нашей собственной.

Бесполезность «болтовни на перемене»

Следующая тема такова: в том случае, если мы имеем дело с двумя или тремя молодыми постоянльцами, полными энергии и находящимися скорее в гипоманиакальном, чем в депрессивном состоянии, пространство «столовой» превращается в своего рода школьный коридор на перемене: здесь много перемещений, люди громко говорят, спорят, всё это сопровождается громкой музыкой. Если это продолжается недолго, мы находимся в кабинете и у нас не болит голова от громких звуков, мы соглашаемся с тем, что это пространство может быть использовано таким образом. Однако необходимо отказаться отвечать на попытки включить нас в эту ситуацию и таким образом избежать участия в подобной игре. Если мы в этот момент оказываемся в столовой, то, опять же, необходимо отличить себя от постоянльцев и показать жестом или действием, что мы находимся в другом состоянии. Даже в моменты удовольствия и хорошего эмпатического контакта мы не должны забывать, что ввиду хрупкости, чувствительности и обидчивости наших пациентов всё может быстро измениться, вернуться к худшему, и, возможно, взрыв окажется совсем близко. Наша позиция, так же как терапевтическая роль, должна держать нас в состоянии наблюдения, и если мы чувствуем, что такой момент близок, мы должны иметь достаточную власть, чтобы смочь если не остановить игру, то привести ее в менее эмоциональный режим или в режим расспрашивания.

Обстановка в учреждении, способствующая восстановлению

Поскольку мы отталкиваемся от гипотезы, что наша клиническая работа близка тому духу институциональной психотерапии, который существовал в клинике Сент-Альбан под руководством доктора Франсуа Тоскеля в 50-е годы, мы предполагаем, что организация может приносить как вред, если она выделяет «яд», так и пользу, если она дает жизнь, таким образом, способствуя восстановлению. Как же постоянно

переизобретать такое знаковое окружение, которое было бы обращено на восстановление, на работу печали наших постояльцев и, соответственно, на всё, что с этим связано?

В том, что мы будем излагать далее, можно легко увидеть рисунок трилистника с четырьмя листьями, в котором можно найти синергию четырех направлений:

1) *Принадлежность, или соответствие правилам.* Чтобы иметь возможность быть операциональными, способными правильно действовать, мы должны каждый вечер и в каждый момент времени согласовывать нашу личность и нашу внутреннюю работу и, таким образом, возвращать себе определенную степень принадлежности учреждению и правилам. Для этого необходимо все время заново ткать, переизобретать, перемещать свою институциональную позицию.

2) *Топическая близость.* Это физическая и психологическая операциональная позиция, которую мы занимаем в отношениях с постояльцем и с пространством. Эта топическая близость может способствовать восстановлению, если мы устанавливаем пространство для дыхания, для отступа, нелинейные отношения между частями.

3) *Установление динамического расстояния асимметрии.* Должно существовать динамическое расстояние между речью, субъективной позицией и желаемым вложением своих сил в отношениях между сотрудниками и постояльцами.

4) *Линия ухода,* необходимая, чтобы можно было ускользнуть от того окутывания, которому мы подвергаемся под действием их «машин наступления» на любые границы, на любые пределы. Линия ухода — это постоянный поиск свободы творчества для того, чтобы быть автономным, чтобы можно было поставить новую музыку, новое чтение кодов; это способ все время перерисовывать организационные контуры.

Такая принадлежность и соответствие правилам конкретизируется в этой процессуальной дистанции; возможно, это происходит только в том случае, если в нашей жизни — вне работы в Ракар — нам удастся жить достаточно полно, если наше основание достаточно прочно, чтобы выдерживать нас самих. Если мы хорошо представляем себе свое место в нашей собственной жизни, если у нас достаточно внешнего защитного иммунитета, мы не будем использовать постояльцев для того, чтобы они восполняли какой-либо недостаток нашей жизни, следствием чего является сокращение дистанции в отношениях с ними. В связи с этим мы избегаем того, чтобы играть те роли, которые они хотят нам навязать: друга, идеальных отца или матери, старшего брата. При этом неважно, являемся ли мы родителями или нет, женаты (замужем) или

нет, живем одни или с кем-то. Всё это не имеет значения. То, что действительно важно, — это ясное понимание самого себя: своих желаний, фрустраций, защит.

В нашей работе это различие должно быть особенно рельефным. Не только для того, чтобы отделить себя от постояльцев, но также, например, чтобы в отношениях с молодыми пациентами отделить себя от родительского образа, который они проецируют на нас.

Франсуа Тоскель писал: «набить брюхо». Мы можем связать это с практикой сопровождения наших постояльцев. Вопрос, который мы задаем себе, приходя работать с постояльцами: чем набит сегодня наш живот? Как избежать людоедских склонностей психотерапевтической практики, институциональной практики? Мы полагаем, что в любой институциональной практике, которая имеет некоторый порог длительности, стажа, волнений и экзистенциальной тревоги, границы между миром профессионального и миром частного становятся размытыми: в этот момент возникает попытка людоедства, потому что мы становимся теми, кто чего-то хочет, требует от другого. Иначе говоря, осуществляя свою работу, мы ожидаем вознаграждения, признания не только со стороны своих коллег, директора или работодателя (что является нормальным и необходимым для создания личного смысла), но мы ждем, чтобы и наши постояльцы нас любили и, тем самым, включаем их в сложную систему нарциссического признания. А это совсем другое дело! Таким образом, мы должны избегать подобного парадоксального дискурса организации: с одной стороны, быть здесь для того, чтобы дарить свое присутствие, которое может быть целительным, а с другой стороны — присутствовать так, чтобы ставить другого в позицию инвалидирующей зависимости, формировать возможность зависимости со стороны наших постояльцев из-за того, что мы нуждаемся в признании. В этот момент возникает тотальный беспорядок, от последствий которого пострадают, прежде всего, именно наши постояльцы, так как они не могут понимать всей сложности взаимодействия, рационализировать и находиться в рефлексивном измерении. Они позволяют вовлечь себя в круговорот проекций, который мы вызываем в них своей бессознательной амбивалентной и требующей установкой.

В нашем подходе мы должны придавать особое значение этим бессознательным эмоциональным инвестициям с нашей стороны по отношению к постояльцам. Когда мы открываем задвижку и делаем возможным возникновение этого проективного водоворота, нужно суметь снова занять определенную дистанцию и установить динамическое расстояние. Эмоциональное измерение (прежде всего для профессионала и

следом за ним — для постояльца) должно быть способно найти дифференцированную площадку для фильтрации. Когда мы находимся в столовой, мы должны суметь принимать все причудливые измерения эмоциональности наших постояльцев, так как в большинстве случаев у них нет «пилота», инстанции, которая осуществляла бы эмоциональную координацию. В то же время мы должны уметь фильтровать, «процессуализировать» нашу собственную эмоциональность, заставляя проходить ее через «сито», которое отбирает полезное для психологического сопровождения и дает преимущества тем реакциям, которые были бы уместной поддержкой для той проблематики, которая предложена постояльцем. Наиболее архаичные части нашей личной эмоциональности должны проходить через институциональный фильтр прежде, чем они войдут в отношения с другим. То, что мы вносим в отношения, должно быть освобождено от эмоциональной амбивалентности.

Нужно ли принимать подарки от постояльцев?

Вот недавний пример, который помогает понять, что важно в реализации нашего подхода. Есть один постоялец, который решил сделать всем сотрудникам подарки на Рождество. Некоторые коллеги, получив подарок, открыли его сразу, так как постоялец тревожно ожидал реакции. Открыв, они поблагодарили его, так как он ждал этого. Они не откладывали момент открытия подарка. Другие же предпочли сказать постояльцу, что они откроют его в день Рождества. Наиболее важным в этом примере с подарками является не столько то, когда они будут открыты, сейчас или позже, но в особом взаимодействии двух людей, о некотором обмене «дающий-дающий», о котором стоит поговорить. Мы хотели бы поразмышлять над этим вопросом, иначе мы рискуем испортить момент и интенсивность взаимодействия, эффект подарка. Безусловно, подарок — это некоторое аффективное взаимодействие, признательность.

Проявим исследовательское любопытство и позволим себе поразмышлять об этом взаимодействии в рамках институции. Что побуждает постояльца делать подарки именно сотрудникам, а не другим постояльцам? Во что он вкладывается? Необходимо исследовать повод, для чего мы находимся здесь, и исходя из этого понять, на что каждый наш жест, каждое взаимодействие будет работать: на помощь клиенту — или же на наш институциональный комфорт и собственный нарциссизм. Наш пример с подарками показывает, что вся работа как раз и состоит в том, чтобы придти к причине. Необходимо создавать сочетание элементов, заставляя их резонировать: это и есть «починка» по

Леви-Строссу. Поиск причин — это поиск постоянного возобновления позиции, отстраненной от людоедских и инвалидизирующих тенденций.

Каждое взаимодействие между нами и постояльцем требует размышления; в этом и состоит наше удовольствие быть здесь. Однако может возникнуть опасность все время все интерпретировать, как если бы ничего не могло бы произойти «просто так», как жест признательности, как удовольствие подарить нам что-то. Даже если мы интерпретируем это благородство другого как потребность быть любимым другим человеком или желанием его «купить», когда речь идет о маленьком подарке (вроде того, что нам подарил наш постоялец), этот подарок можно взять таким, каков он есть, как некий жест по отношению к нам, который может означать признательность за то, что он мог бы еще оставаться в Ракар, даже если он уже долго живет здесь. Если же мы начинаем сравнивать подарки, оценивать подаренное: «мой подарок красивый, мне он понравился, он полезный, мне повезло, а твой — некрасивый и бесполезный», то мы реагируем так, как делаем это в нашей частной жизни, не принимая во внимание, что мы находимся в рамках учреждения. В том случае мы возвращаемся к попытке людоедства, к нарциссической потребности быть «восполненным» другим, пациентом.

В данном случае (и это нужно подчеркнуть) речь шла о подарках на Рождество, т.е. по случаю праздника, когда многие люди делают друг другу подарки, и наш постоялец подарил их всем сотрудникам, а не какой-то части из них; речь идет о маленьких предметах небольшой стоимости, которые не требовали серьезных денежных вложений. Он получил удовольствие от их приготовления — мы заметили, что в этот период он демонстрировал потребность что-то делать своими руками. Только по этой причине мы могли позволить себе принять эти подарки как «простой жест признательности по отношению к нам и нашей работе».

В случае работы с пациентами Ракар мы не можем ждать признательности со стороны постояльцев (благодарности за проделанную работу, сказанного ими «спасибо») как очевидного знака улучшения их состояния или прогресса во включении их в социальное взаимодействие. Мы неизбежно будем испытывать фрустрацию в нашей работе, если будем ожидать от наших постояльцев благодарности или устойчивых и длительных результатов. Наша «пища» находится не на этом уровне. Она скорее состоит в том, чтобы каждый раз переизобретать отношения с постояльцем, а также — в интервизии и теоретико-практическом размышлении о нашем подходе психосоциальной анимации.

Важно не то, принимать подарок или нет, разворачивать его сразу или нет, интерпретировать его исходя из предустановленных идей или нет, — а в том, чтобы увидеть, как этот жест функционирует, каков резонанс вокруг этого жеста. С точки зрения нашего подхода, нет конечного жеста или конечной точки.

Речь также не идет о том, чтобы «кастрировать» другого, говоря: «никаких подарков», как если бы он испортил нас, делая нам подарок. Вопрос, который стоит для меня здесь: связывает ли нас этот подарок? Повреждена ли наша свобода творчества и инициативы по отношению к этому постояльцу? Если, например, на следующий день после этого подарка мы должны временно прервать его пребывание в Ракар на три дня по какой-либо причине, не скажем ли мы себе: досадно, ведь он только что подарил нам подарок? То, что нас интересует здесь, — это: получаем ли мы в данном случае автономию и инициативу или нет.

Между нами и постояльцами есть некоторые ставки, и необходимо совершенно ясно их представлять. Позволяет ли этот жест возражать нашей свободе и способности действовать терапевтически — или, напротив, уменьшает способность работать с рассказами пациентов, устанавливать терапевтические схемы? Что же касается постояльцев, то позволяет ли это действие продолжить трудную повседневную работу, которую мы им предлагаем: постоянно задаваться вопросом о своем пребывании в Ракар, чтобы они не превратились в окаменелости и не начали понемногу подтачивать и пожирать все пространство, делая его известным, наполненным, гладким, лишенным неожиданностей?

Этот жест дарения подарка имеет также смысл стирания границ, в то время как профиль каждого участника должен оставаться максимально индивидуальным и максимально очевидно очерченным.

Что касается постояльца, о котором идет речь, то мы можем прочитывать его поведение в последнее время как попытки стереть границы, как подтачивание пространства. В то же время мы можем расценивать это как безуспешный поиск признания с нашей стороны, как необходимость оставить след в этом месте — так же, как это сделали другие постояльцы. Посмотрим на стены в коридоре, который ведет в комнаты: они увешаны картинами, сделанными одним из предыдущих постояльцев. Это воспоминание о том внимании и энтузиазме, которые мы проявили к тому, что делал этот человек. Другая наша пациентка рисовала комиксы о своем пребывании в Ракар, сочиняла рэп, каждый день упражнялась, и мы поздравляли ее. А он? Что он мог «подарить» для того, чтобы привлечь наше внимание и заслужить наше уважение? Он делает то, что он может, в соответствии со своими возможностями и способностями!

Однако есть большая разница между ситуацией, когда мы просим постояльца написать текст, нарисовать портрет или комикс (мы постоянно ищем и предлагаем другие способы выразить себя тому или иному человеку) и ситуацией с этим пациентом, когда мы имеем дело с некой хронической активностью. Он оставляет свои следы повсюду. В его импульсах больше нет пилота, руководящей инстанции. И правильно ориентировать все эти движения — задача сотрудников.

Хронические действия постояльца совершенно реальны и акцентируются фазами и моментами, следующими за употреблением некоторых веществ. В то же время, кроме этого подтачивания пространства и стирания границ, есть также и огромное желание постояльца быть признанным. Это его желание имеет характер постоянного кровотока: мы не просили его сделать нечто, чтобы показать свои качества, но он сам хотел показать нам, что тоже может что-то делать. Мы замечаем, что каждый вечер, как только мы уделяем внимание кому-то другому (более нуждающемуся в помощи или проблемному), он старается привлечь наше внимание своим способом.

Мы должны уверить постояльца в том, что, когда он переживает фрустрацию, он не разрушается, и что мы никуда не исчезаем, если он нас постоянно не окликает. Такое поведение может быть понято как ловушка, как черная дыра, — другое лицо патологии.

О необходимости эмоционального фильтра

Обратимся к вопросу о необходимости эмоционального фильтра, используя недавний пример из нашей практики. Мы можем проанализировать последнее событие, отметившее нашу институциональную работу, которое сильно взбудоражило некоторых наших коллег и сделало нас свидетелями эмоционального выплеска у одного из нас. Несколько недель назад мы узнали о педофильских наклонностях одного из молодых постояльцев и о том, что (по его словам) у него была сексуальная связь с несовершеннолетней девочкой. После этой информации у некоторых из коллег возникли сильные ответные реакции: они хотели либо сдать его в полицию, либо исключить из Ракар. В тот момент мы не знали, соответствовало ли что-то из сказанного нашим постояльцем (который, по его же собственным словам, страдал зрительными галлюцинациями) реальности или нет. Мы решили информировать психиатра об этих новых данных и обязали нашего пациента прийти на следующую встречу к врачу, чтобы они могли об этом поговорить, так как последнее время этот постоялец отказывался приходить на встречи с врачом и принимать лекарства, которые ему выписывали. После встречи психи-

атр заверил нас, что эта информация, возможно, могла соотноситься с некоторой реальностью, но теперь он вряд ли представляет какую-то опасность ни для себя, ни для другого. Те же выводы были сделаны и другим психиатром, которого мы срочно вызвали в Ракар.

Интересно проанализировать в этой ситуации эпидемическую реакцию в нашей команде, очень эмоциональную и малопрофессиональную, инициированную одной из наших коллег, которая после этого рассказа не смогла занять позицию, исходя из которой мы работаем изо дня в день, осуществляя поддержку людей, которые испытывают серьезные психологические и социальные сложности. Она посчитала, что для этого постояльца больше нет места в Ракар! В то время как в данном случае мы должны были скорее радоваться тому, что мы завоевали такое доверие у молодого человека, что он рассказал нам о той стороне своей жизни, которая была до сих пор неизвестна и о которой ему, безусловно, трудно было говорить. После этого наш постоялец много раз делал попытки снова и снова поговорить с нами об этих своих импульсах и о страдании, которое они ему причиняли, а также о его желании быть «запертым» для того, чтобы защититься от новой попытки. Мы просили его поговорить об этом с психиатром, чтобы рассмотреть возможность госпитализации, которой он сам и желал (что в конце концов и произошло). Даже если этот молодой человек говорил о своих действиях, касающихся девочки, без чувства вины, то в других случаях он выражал большое страдание. И именно это страдание мы и должны принять в Ракар. Наши ответы должны оставаться в рамках терапии в организации, заставляя нас дистанцироваться от архаических эмоций даже в тех случаях, которые нас очень сильно затрагивают и шокируют. Если нам стало трудно, мы должны сохранять способность делегировать другим коллегам работу над более близкими отношениями с постояльцем, который вызывает у нас сомнения. Необходимо во что бы то ни стало избегать того, чтобы позволить своим эмоциям вторгаться и приводить к исключению этого постояльца. Прежде чем видеться с ним, необходимо обратиться за помощью, понаблюдать за этими чувствами, понять, откуда они происходят, — вместо того, чтобы вовлекать других коллег на территорию, которая не является верной «средой», способствующей исцелению. Мы являемся такой институцией, которая принимает неожиданное, непредсказуемое, то, о чем невозможно говорить, и то, что невозможно понять, и мы должны уметь работать с этим материалом. Когда мы испытываем такие сильные чувства, такое сильное отвержение, нам необходимо поискать помощь у коллег, чтобы понять, что с нами происходит, освобо-

даться (насколько это возможно) от этого чувства, дать место позитивным эмоциям, — чтобы затем снова могло проявиться «эмпатическое принятие», которое является наиболее важной в нашей работе поддержки каждого пациента.

Важно, чтобы, как говорил Тоскель, контртрансферентные проблемы могли быть выражены во время работы группы; однако то, что произошло во время нашей встречи, было перенесением трудностей одного члена нашей команды на всю команду, на тех коллег, которые были готовы работать с этим сомнительным постояльцем. Каждый из нас должен уметь принимать собственный контрперенос и уметь работать с ним, и даже если он не может быть разрешен, необходимо уметь держать его при себе, отходить в сторону вместо того, чтобы оставлять его без контроля и сваливаться в «аффективный терроризм» во время собраний группы специалистов.

Пространство близости

Понятие пространства близости артикулирует, с одной стороны, то, о чем мы говорили раньше: постепенное «поедание» постояльцами (пациентами) семиотических пространств, референций и сигналов, индикаторов внутренней географии Ракар, а с другой стороны — то, что имеет смущающий в социальном и моральном смысле характер и вызывает репрессивные меры со стороны социума, например, педофилия. Как такие случаи могут быть приняты в Ракар? Помимо тех понятий, которые мы уже проработали, мы должны вернуться к конструированию сложного плана пересечения пространств взаимодействующих людей, или, как сказали бы философы, плана имманенции, который выстраивается между мной и другим: это и есть «кабина пилота». План имманенции конструируется вначале на физическом, объективном уровне и касается территории тела каждого из участников, а также на уровне нашей субъективности и наших эмоций. Начиная с определенного порога интенсивности высказывания, некоторые темы переходят иммунологический барьер нашей защиты и попадают прямо в область наших архаических эмоциональных блоков.

И здесь есть два решения. Первое: можно мгновенно «погасить» с негативным контрпереносом без опосредования и по живому, но в этом случае план имманенции не может быть использован как средство или инструмент, благодаря которому устанавливаются границы институциональной беседы.

Второе: использовать этот план, чтобы установить границы. В этом случае план имманенции становится сложным инструментом (помощни-

ком, объектом), который еще нужно изготовить. Тогда он сможет стать способом остановки, отхода и объективации того, что мы получаем от постояльцев со всего размаху, что наносит нам удар с удивительной силой и заставляет мгновенно сработать все наши защиты. В нашей социоклинической практике мы каждый день конструируем такие экспериментальные средства-инструменты, создающие связь с другим. Вопрос состоит в том, как сконструировать «приют» для человека в состоянии страдания, чтобы он мог почувствовать себя в определенном отношении с другим, — приют, в котором он мог бы ресубъективировать себя прямо здесь, благодаря нашей встрече. В этот момент человек может поделиться своим страданием, и именно этот план имманенции, это пересечение пространств, это взаимодействие, сконструированное прямо в процессе, будет детерминирующим для того, чтобы знать, как «пилотировать» аффекты, страсти, то, что говорится и делается. Именно в этом «черном ящике» мы можем с нашими переустановленными, ре-субъективированными, ретерриториализованными аффектами пойти навстречу аффектам другого.

Например, молодой человек, который ведет педофильские разговоры. Как только он появляется в Ракар, он изливает на нас со всей легкостью свой опыт в необработанном виде, не принимая во внимание, где он находится: на лестнице, на кухне или в кабинете. Таким образом он демонстрирует проблему регуляции психопатологических элементов. Вот несколько примеров возможных реакций.

Первый вариант. «Ты в Ракар для того, чтобы ты мог рассказывать о себе». Это отношения доверия. «Расскажи, что тебя волнует». И затем в тот момент, когда он рассказывает, мы говорим ему: «ты должен знать, что, если ты скажешь что-то еще, мы позовем полицию, так как то, что ты рассказываешь, является незаконным». Это является парадоксальным высказыванием и совершенно не подходит в данном случае.

Второй вариант: он рассказывает нам, что наблюдал за девочками, которые вышли из школы. На что мы ему говорим, что это незаконно. Опять же: неподходящий ответ.

Оба примера показывают, что в этот момент присутствует слабая консистенция восприятия этой поверхности, потому что единственное, что мы можем ответить, — это апеллировать к закону, к запрету, к страху: нашему страху. Высказывания постояльца должны быть пущены в дело, должны быть процессуализированы нашим восприятием, нашей способностью создать приют для этого.

Вот третий пример. В ответ на вопрос постояльца врач якобы сказал, что покупка нижнего белья для девочек может снизить его желание скачивать фильмы с педофильским содержанием. Когда он приходит в Ра-

кар и рассказывает нам это, он прибавляет, что ему нужно, чтобы никто не входил в комнату, когда он идет туда с нижним бельем. Что представляет собой в данном случае это поле близости? На наш взгляд, то подвижное поле взаимодействия, которое должно защищать как постоялец, так и сотрудников от неконтролируемых импульсов, здесь приведено в действие явно недостаточно.

В этом рассказе есть много вещей. Есть новая брешь, которую постоялец открывает нам и которая показывает, что у него нет дифференциации между внутренним и внешним. У него есть некоторая идея в голове, и он может нам сказать о ней без какого бы то ни было социального опасения, в то время как раньше он действовал скорее противоположным образом и был очень стыдлив. С одной стороны, здесь есть чисто регрессивный момент, а с другой — аспект скопофилии и эксгибиционизма, в суть которых не стоит углубляться, так как в данной ситуации это не будет иметь терапевтического смысла.

В последнем случае необходимо сказать постояльцу, что он должен сам уладить это, так как он делит комнату с другим человеком, и что он должен обсудить это со своим врачом. В случае, когда он говорит с нами об этом, мы не можем использовать эту ситуацию, чтобы оказать ему правильную помощь. Напротив, его надо расспросить о том, как прошел его день, поговорить о другом, или, иначе говоря, спросить: что ты можешь нам еще рассказать, кроме этого?

В другой раз этот же постоялец возвратился и в той же манере начал рассказывать нам, без всякого барьера и фильтра, что он трогал бедра старой проститутки и что он любит смотреть вместе с кем-нибудь фильмы с педофильским содержанием, которые он скачивает. Это настоящая проверка нашей искренности! Самая сложная вещь в нашем подходе — это суметь понять, что до тех пор пока мы не сможем индивидуально и коллективно соткать поддержку, или имманентный план принятия всего, что рассказывает постоялец, мы, к сожалению, все время будем раздраемы желанием навязать свой собственный опыт, свою культуру культуре и опыту постояльца. Это своего рода пинг-понг без какого бы то ни было целительного эффекта, в котором мы можем только терять, так как в этом случае постояльцы берут инициативу на себя. Напротив, если мы создаем «яму», чтобы всё, что не укладывается в некоторые рамки, а является лишним, могло туда провалиться, то мы сможем отличить речь, освобожденную от архаичных и избыточных представлений и эмоциональности.

Именно вокруг этой поддержки, или плана имманенции институциональных разговоров, располагается то, с чем организация должна ра-

ботать, и то, с чем она работать не должна. Можно также сказать, что мы не можем помочь тому или иному постояльцу с определенной проблемой, что нас это не интересует и что, возможно, в данном случае чем-то помочь может врач. Мы должны вернуться к вопросу, как использовать для помощи постояльцу то, что он нам говорит. Эта манера обращения заставляет постояльцев услышать то, что они есть в тот момент, когда они рассказывают нам что-то, и таким образом обратиться к себе. В общем, цель этой операции, какой бы эфемерной она ни была, состоит в том, чтобы пациент, подобно туристу или этнологу, «посетил» свою жизнь. Речь идет о том, чтобы подпитать его любопытство по отношению к собственной жизни, такой плоской и повторяющейся, чтобы ввести в нее элемент неожиданности. Мы можем взять какой-то элемент из рассказа постояльца и захватить его врасплох, потому что этот элемент вдруг становится подчеркнут.

Именно во время таких взаимодействий постоялец оказывается удивлен чем-то. И это удивление имеет терапевтический эффект, так как при этом он вынужден переизобрести для себя новый порядок, перейти от одной интенсивности к другой. Необходимо уметь останавливать и устанавливать границы разговора. Вопреки ощущению, что такое институциональное пространство — это пространство, где может существовать всё что угодно, — это не так. У нас есть границы, пороги, исходя из которых отношение совместности должно распасться. Мы должны придавать форму, операциональную морфологию тому, что пациенты рассказывают нам, для того чтобы смочь что-то с этим сделать.

Не-ожидание

Эта институциональная имманентная поддержка, или пересечение, может быть сконструирована легче, если мы отталкиваемся от следующего убеждения: чтобы постоялец смог вступить с нами в отношения, которые были бы целительны, нужно от него «ничего не ждать». Это уже очень много, учитывая огромное изменение общей парадигмы. Однако ничего не ждать, даже если это кажется просто, означает поставить себя в такую субъективную позицию и в такое состояние сознания, в котором нет представления о другом. Это необходимо для того, чтобы «вычесть» эту попытку ожидать чего-то от другого. Присутствие другого должно направлять меня к тому, чтобы ничего не ждать от него. Быть-здесь только для того, чтобы он смог «прийти» — прийти с тем, что он принесет с собой. Речь идет о некотором эпистемологическом разрыве с более классической позицией помощи, которая состоит в том, чтобы помочь другому «выйти», чтобы он ответил на некоторую интен-

цию, которую мы имеем по отношению к нему. Трудность, которая существует в Ракар, состоит в следующем: чтобы выйти в эту позицию не-ожидания, необходимо делать каждодневное гигантское усилие само-позиционирования, ресубъективации, переизобретения себя прямо на месте. Это своего рода духовное упражнение! Это институциональное и очень индивидуальное само-позиционирование уже в течение двадцати лет, которое, подобно волнам, стремится то исчезнуть, то снова возникнуть. Когда приходят новые коллеги и уходят старые, это измерение может быть отчасти смазано, так как возникает вера в то, что личного мнения достаточно, чтобы построить отношение психосоциальной помощи. Однако это совсем не так! Личное мнение есть только одна из составляющих, конечно, важная и необходимая, но только для того, чтобы начать работу! Речь идет об особом духовном упражнении не-ожидания для того, чтобы другой мог позволить себе что-то — вот в чем самая большая трудность! Обусловленный тем, что он есть, постоялец должен смочь позволить себе стать автором самого себя и позволить проявиться себе такому, каков он есть.

Важность стиля во «встречах втроем»

Хотелось бы закончить на некоторой точке, которая кажется нам не менее важной, чем другие: как продолжать существование и как переизобретать во времени институциональное и культурное достояние, которое претерпевает изменения в связи со старением, с одной стороны, и в связи с появлением новых коллег в команде — с другой? Одна из основных проблем для нас состоит в том, как подпитывать это достояние, которое составляет смысл существования и общественную полезность нашего центра? Наша институциональная позиция может казаться бессмысленной, но это обманчивое впечатление. На первый взгляд, все, что мы делаем, представляет собой некоторый подход, который занимается столь несправедливой судьбой людей, исключенных из общества, однако трудность возникает тогда, когда нужно строить ее тоже как некоторую социальную или клиническую практику.

Подход психосоциальной анимации предполагает, что мы должны достичь состояния не-ожидания. Это личностная работа, внутреннее и коллективное слушание всей жизни! Здесь речь идет о важном перевороте в собственном самопозиционировании перед другим, когда он находится в трудном состоянии. Это способность создать «яму» для того, чтобы другой проявился таким, каков он есть. Это допущение отсылает нас к «встречам втроем» (два сотрудника и один постоялец), во время которых необходимо, чтобы был «пилот в кабине»: один из сотрудников

берет на себя ведение беседы, другой же должен в качестве поддержки присутствовать рядом, сопровождая рассказ постоянного, не торопя и не подгоняя то, что взято для работы коллегой, который ведет беседу. Необходимо суметь развернуть рассказ. Это не пинг-понг вопросов между двумя сотрудниками, но скорее очень чувствительная синусоидальная игра. Возможные вмешательства второго сотрудника должны идти в русле, заданным коллегой, который ведет беседу, и способствовать поддержанию ритма и интенсивности. Иногда случается, что, когда один сотрудник берет на себя инициативу вести встречу, второй — вместо того чтобы пытаться воспринимать возникающие подспудные движения — занят тем, чтобы получить ответы на свои вопросы, не позволяя первому в свою очередь вступить в разговор.

Наш подход — это, прежде всего, стиль: мы заботимся о том, чтобы в «навигации» разговора присутствовала определенная тонкость, чувствительная к подспудным ризомным движениям. Во «встречах втроем» — если хочешь постучать в дверь безумия и смочь принять а-номального другого, не становясь при этом полицией нравов — важно суметь разучиться для того, чтобы начать понимать! Кроме того, нельзя забывать о том, что постоянцы попадают к нам, пройдя цепочку неудач в некоторых типичных беседах, поэтому важно знать, в чем состоит типичная терапевтическая беседа или типичная социальная беседа.

В наших встречах втроем нужно избегать задавать вопросы, которые не входят в актуальную линию тем обсуждения, заданную коллегой, ведущим встречу. Если мы имеем дело с незнанием того, что такое социальная или психотерапевтическая беседа, мы теряем из виду тот момент, когда клиент встречается с профессионалом, смещается к нему, но не переживает вместе. Таким образом, встреча оказывается чем-то, что записывается в ежедневник, — но в то же время она оказывается своего рода островом встречи, в котором окружение полностью деконтекстуализировано.

В Ракар такие встречи проходят «внутри» динамики вечера и становятся своего рода акцентированием, освещением моментов-движений, созданных в других ансамблях пространства. До и после встречи мы уже находимся в некоторых отношениях с постоянцем, и момент, когда мы проводим постоянного в кабинет, является частью континуума. Встреча — это момент более персонализированный, когда мы берем другой мелок или ручку, другую интенсивность для того, чтобы рисовать, но при этом все время речь идет об ансамбле, подчиненном той картографии, которая уже началась. Таким образом, мы не можем отделить эту встречу втроем от всего того движения эмпатии, симпатии, ритма, ко-

торые составляют все пребывание постояльца в центре. Иными словами, мы не можем ни с того ни с сего совершенно внешним образом отметить что-то, в данный момент не имеющее жизни в этом внутреннем пространстве, с таким трудом выстраиваемом и формируемом с большой деликатностью. Речь идет о выстраивании стиля — стиля движения, стиля принятия, стиля «формирования складок».

Итак, мы видим, что помимо нашей воли здесь встает вопрос — поскольку мы имеем дело с людьми, нуждающимися в институциональной помощи, — о формировании внутренней и внешней стороны мира: мира для себя, своего собственного мира. И именно это деликатное действие постояльца так или иначе вводят в процесс. Их субъективность, помимо нас и помимо них, работает в этом процессе, т.е. происходит переприспособление ансамбля данных в субъективном пространстве элементов. Диспозитив, или хронотоп, который мы конструируем, позволяет им это сделать.

перевод *В.В. Архангельской*

IS THERE A PILOT IN THE CAB?

P. SALATI, M.D. NORAMBUENA

The article presents the experience of the Geneva Centre «Rakar», that develops the approach of psychosocial animation. The Centre carries out long-term psychosocial work with patients with severe personality disorders. Several cases of specific situations are examined to present the reflexive analysis of elements of the psychotherapeutic approach.

Keywords: psychosocial animation, institution, institutional psychotherapy, subjectivity